

¹⁰ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 5.

¹¹ Слово *пудреница*, по данным КС XVIII, отмечается только с конца XVIII в. (1796 г.), первая словарная фиксация – САР¹ (IV: 1174), однако значительно более раннее его употребление представлено в одной из таможенных книг 1725 г.: явил <...> товару своего серебра в дѣле в венцах в крестах в подносах <...> в стаканах в пудреницах (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32894. Л. 95 об. (Брянская Свинская ярмарка)). Но еще в 1730-е г. встречается описательное наименование: дватцать коробокъ пудренных (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32799. Л. 53. (Москва, 1736 г.)).

¹² В СлРЯ XVIII дано слово *масленица* «Небольшой сосуд для масла» по фиксации его в САР² (III: 705) и ФРЛ¹ (I: 616).

¹³ В КС XVIII такой вариант не зафиксирован, ранние примеры употребления слова *пуни* относятся преимущественно к 60-м годам.

¹⁴ Слово *сахарница* в КС XVIII представлено единственной иллюстрацией, относящейся к 1743 г.: Глиняная белая сахарница галанская (МАН V: 781, опись имущества умершего академического контролера Якова Гофмана); первую словарную фиксацию оно получило в САР¹: Сосуд, в коем рубленой или толченой сахар держат (V: 345); чуть раньше отмечено в переводной части ФРЛ¹: Сахарница, сосуд высокой и круглой, с рѣшеточным колпаком, в котором кладут мѣлкой сахар, сахарная стклянка (II: 557). Примечательно, что автор ФРЛ¹ счел необходимым дать подробное пояснение.

¹⁵ Речь идет о нюхательном табаке, который в ранних таможенных книгах называется *порошок носный*, *порошок носовой*.

¹⁶ Одно из ранних употреблений слова *табакерка*, по данным КС XVIII, датируется 1714 г. в письме Петра I: Пришлите сюда <...> остинских черепахъ нѣсколько черепов верхнихъ, изъ которыхъ табакерки точать (МГО II 4). В таможенных материалах *табакерка* (вариант *табакирка*), впервые встречается в астраханской таможенной книге 1725 г.: двѣ дюжины роговыхъ табакирокъ (РГАДА. Ф. 1361. № 2. Л. 82); затем в московской книге 1737 г.: четыре табакерки костяныхъ с стеклами (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32807. С. 19).

¹⁷ В КС XVIII слово *плюйник* отсутствует.

¹⁸ В КС XVIII и СлРЯ XVIII зафиксировано слово *махало* «Веер, опахало», но только по данным словарей (*Нордстет II*. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1780. Ч. 1. С. 349, САР² III: 719) и дериват *махальцо* (СлРЯ XVIII 12: 96), слова *махавка* в КС XVIII нет. Показателен такой пример: в записи явки называется махавокъ цвѣтныхъ 3 дюжинъ слоновои кости да 3 дюжинъ в деревѣ крашенныхъ (л. 488); в записи продажи — 1 дюжины ваеръ деревянныхъ травчатыхъ (л. 493). Заметим, что варианта *ваер* СлРЯ XVIII не отмечает (2: 245).

¹⁹ В КС XVIII слово *окозрительный* отсутствует.

²⁰ В списках товаров встречаются названия и описания весьма экзотических для русского быта того времени вещей, предметов роскоши: В ящикѣ арабъ здѣлан из дерева на деревянномъ поддонѣ плате на немъ золоченое (л. 103 об.), Ящикекъ в немъ К куколь малыхъ немецкихъ воцанныхъ крашенныхъ да В куклы большихъ такихъ же обшиты платемъ и ѱлоромъ бѣлыхъ 1 ставочковъ маленькихъ деревянныхъ простыхъ в нихъ по садочку игрушешныхъ с попугайками костяными (л. 981 об.–982), Ящикъ в немъ птица складна іс полотна (л. 986), К1 птички кѣнарѣекъ в клѣткахъ В птички снигиревъ в клѣткахъ же (л. 1040 об.), К птичекъ кѣнарѣекъ (так в ркп.!) в клѣткахъ <...> одинъ снигирекъ (л. 1045 об.), Птица попѣгай Е ящиковъ лимоновъ да ящикъ помаранцовъ свѣжихъ <...> КИ боченокъ ракъшекъ соленыхъ <...> Г кѣнареики в клѣткахъ (л. 1275 об.). Заметим, что слово *попугайка*, как и слово *попугаец*, появляющееся в записи продажи этого товара, в КС XVIII отсутствует; ранний пример употребления слова *снегирь* (в варианте *снигирь*) в КС XVIII относится 1755 г., уменьшительного *снигирек* — к 1764 г.

²¹ СлРЯ XVIII датирует вхождение слова *канфор* в русский язык 1731 г., а вариант *камфор* — 1780-ми гг. (9: 237), уменьшительное *камфорик* в Словаре не отмечено.

²² Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии... С. 12.

²³ Вариант *ансовиш* СлРЯ XVIII датирует 1768 г., варианты *анчовись*, *ансьювес* не отмечены (1: 76).

²⁴ Слово *шоколад* в КС XVIII представлено более, чем 10 вариантами (*шекулат*, *шокелат*, *чекулад*, *каколата* и др.), ранняя фиксация которого (в варианте *чекулат*) относится к 1698 г., однако этот ряд может быть дополнен вариантом *сакалат*, кроме того, материал картотеки дополняется прилагательным *соколатовый*: Ящикъ в немъ Р бумажекъ по В пряника черныхъ соколатовыхъ (л. 984 об.); в картотеке есть прилагательное *шоколадный*, представленное материалами конца века. См. также: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии... С. 404.

²⁵ В КС XVIII слово *шкаф* (варианты *шкафа*, *шкан*) представлено большим количеством примером, ранний из которых относится к 90-м гг. XVII в., однако этот материал может быть дополнен вариантами *шхан* и *шкаф* (*шхав*) и дериватом *шхалец* (в КС XVIII есть *шкапец*, 1716 г.): Ящикъ в немъ верхъ шкавнои створы со стеклами (л. 271 об.), Ящикъ в немъ шхалецъ малоу дитячей деревянной под красками (л. 538 об.). Прилагательное *шкафный* в картотеке представлено только по данным САР¹ и ФРЛ¹.

²⁶ Варианты *кофяной* и *кофный* в СлРЯ XVIII отсутствуют (10: 210).

Е. Н. Наседкин

ПОСАДСКИЕ ВЫБОРЫ В МОСКОВСКИЕ ТАМОЖНИ В 1739–1740 гг.

В России со второй половины XVI в. известна практика привлечения купцов к казенным службам. Купцы занимались таможенными сборами, торговали вином и целым рядом других казенных товаров, исполняли полицейские обязанности, привлекались к оценке конфискованного имущества, выполняли многие другие обязанности. Служили купцы на основаниях выборности, срочности и безвозмездности. С начала XVIII в. проводятся значительные реформы в сфере управления посадом и купечеством, однако казенные службы принципиальных изменений не претерпели, поэтому 20–30-е гг. XVIII в. — период очень интересный, когда в условиях прошедшей через реформы страны продолжала существовать архаическая система казенных служб.

В литературе уже давно обращали внимание на негативное влияние, которое оказывали на хозяйственную деятельность городских тяглецов казенные службы¹. Выбранные в службы купцы должны были отрываться на год от своих дел, что грозило разорением, и несли огромную финансовую ответственность перед казной. Совершенно ясно, однако, что купечество должно было приспособиться и адаптироваться к условиям несения казенных служб, иначе эта система не смогла бы существовать до конца XVIII в.; но каковы были механизмы данной адаптации? Без подробного изучения хода служб ответить на этот вопрос невозможно.

В этом плане очень интересны для изучения выборы в таможенную службу, происходившие в московском посаде осенью 1739 г. Выборы, о которых пойдет речь, были вполне заурядны, но для нас примечательны тем, что о них сохранились достаточно подробные документальные сведения.

В общей сложности от московских слобод и сотен к таможенным службам на 1740 г. должно было быть прислано 279 чел. Масштабы впечатляют! Необходимо было выбрать служителей в Московскую большую таможенную, Мытненную таможенную, к «кресцовским» сборам, в «Хомутную» таможенную, для торговли табаком, в «конскую» таможенную².

Служители делились: на выборных — руководителей таможен, ларечных — помощников выборных и целовальников — рядовых служащих. Указ гласил, что выборные должны быть избраны из «первостатейных и пожиточных людей достойных, грамоте и писать умеющих, за выбором ратушским и всего купечества; також в ларечные и целовальники за выборами ж достойных же и грамоте и писать умеющих»³. Здесь сформулированы наиболее важные принципы выборов с точки зрения государства. Общее правило и для выборных, и для их подчиненных, целовальников и ларечных — грамотность.

В некоторых случаях это условие могло быть расширено до требования компетентности в том деле, к которому избирают. Например, в одном из документов к выборным ценовщикам, которые должны были оценивать имущество, предназначенное для продажи за долги, выдвинуто следующее требование: «<...> ценить, такими ценовщиками, которые знают цену тем вещам, а не такими, что, например, торгует лаптями, а его заставлять ценить алмазные и протчие драгоценные вещи»⁴.

Неграмотность сборщика пошлин или служащего кабака грозила обернуться уроном казне, поэтому казна была заинтересована в «грамоте и писать умеющих» выборных, ларечных и целовальниках. По исследованиям ученых, большую часть грамотных российского купечества составляли первостатейные и среднестатейные. Объясняется это не только сложным материальным положением малотяглых, но и отсутствием необходимости для них даже в начальном образовании. Впрочем, даже далеко не все купцы первой гильдии были грамотны. Так, в 1744 г. Главный магистрат потребовал переизбрания в бурмистры Можайского магистрата Макея Мшихина, так как он ни читать, ни писать не умел, но купечество снова выдвинуло его кандидатуру. С точки зрения купцов главным достоинством являлось то, что он был человеком «добрым и первостатейному ратушскому чину быть способен»⁵.

В выборные должны были избираться первостатейные, а в ларечные и целовальники купцы остальных гильдий. Это правило было установлено указом 26 июня 1731 г.⁶ Здесь видна та же логика, что и в аналогичных узаконениях для выборов в ратуши и магистраты: с точки зрения государства, чем более состоятелен избранный к казенной службе и избравшие его, тем больше гарантий, что сборы пройдут «без упущений». Кандидатов в выборные или бурмистры в центральные московские учреждения выбирали привилегированные купеческие объединения, такие, как Гостиная сотня и первая гильдия.

Механизм выборов в таможенную и кабацкую службу не был регламентирован, как будут конкретно проходить выборы — это государство волновало мало, главное, чтобы все было бы проведено в срок и были соблюдены все вышеперечисленные требования.

Так выборы должны были происходить согласно закону. У исследователя есть великий искус считать, что именно так все и было, но, как хорошо известно, закон и реальная практика его применения могут иметь серьезные различия. Вернемся к выборам 1739 г. и попробуем их реконструировать на основе имеющихся источников.

В начале сентября в Московскую ратушу был прислан указ из Камер-коллегии о начале проведения выборов служителей в таможенные службы. Чиновники Камер-коллегии угрожали серьезными штрафами за промедление с началом процесса выборов, однако никакой реакции не последовало. Указ следовал за указом, но воз с места не сдвигался. Только когда присланная воинская команда заперла бургомистра, бурмистров и секретарей в помещении Ратуши, учреждение начало работу. Ратуша распорядилась начать выборы и, чтобы интенсифицировать процесс, посадила в оковы старшин купеческих гильдий⁷.

Жестокие полицейские меры по отношению к Ратуше и московскому посаду сразу дали результат — выборы начались. Служителей начали выбирать по слободам Москвы, потом кандидатуры утверждались решениями старшин гильдии. Причем, решение старшин имело решающее значение, можно сказать, что основной выбор делали именно они. Потом выбранных служителей отводили в церковь, где они давали присягу. Присяга оформляла принятие посадскими жителями на себя ответственности за несение службы.

Выборы 1739 г. в вышеперечисленные учреждения длились по декабрь месяц, но некоторые вопросы пришлось решать до середины весны 1740 г. Далеко не все смирились с необходимостью на год отрываться от своих дел и безвозмездно трудиться на пользу казны. Некоторые из избранных пытались уклониться от служб.

Иван Иванов сын Култыгин прибыл от Московской ратуши в Камер-коллегию 12 декабря, он был избран старшиною первой гильдии Карпом Ивановым «со товарищи» в выборные в Хомутную таможенную на 1740 г., но не все оказалось так просто. Култыгин подал доношение, в котором сообщил, что к службе он не годен, так как «он от старости и дряхлости и за маловидением, и всегда находится болен, и лет ему за семдесят четыре». Видимо, доношение соответствовало истине, поскольку Камер-коллегию взволновало «немалое упущение» в сборах, которое должно было образоваться из-за состояния здоровья старика.

Чиновники Камер-коллегии посчитали, что Карп Иванов выбрал Култыгина «по злобе, а не по достоинству», и 20 декабря отправили Ивана Култыгина обратно, приказав Московской ратуше и купечеству еще раз решить, насколько он способен нести службу, а если не способен, то избрать нового выборного⁸. И хотя крупный денежный недобор, который возник бы после службы слепого и глухого старика, наверняка был бы возложен на первую гильдию и, в первую очередь, выборщиков, старшины гильдии продолжали настаивать, чтобы служил Култыгин⁹.

Несмотря на решение старшин, Култыгин выходить на службу не собирался: не появился в конце декабря, чтобы принять инструкцию по сборам у прежнего откупщика Обросимова, не появился и с 1 по 4 января, о чем сообщал канцелярист Федор Елин¹⁰.

Отсутствовал в это время в Хомутной таможне и ларечный, поскольку сидел под караулом по вексельному долгу, соответственно подписываться за прием сборов было некому. Канцелярист описывал эту ситуацию так: «В оную таможенную приходят извозчики с платежом с найму подвод десятой доли и требуют ярлыков, а тех же денег принимать и ярлыков подписывать некому»¹¹.

По поводу Култыгина Камер-коллегия забила тревогу с конца декабря. Регулярно посылались указы, в которых требовалось сыскать, а если сыскать его невозможно, то выбрать другого, иначе всю сумму хомутного сбора обещали собрать с Ратуши, выборщиков и всей первой гильдии¹². Иван Култыгин объявился сам: в начале января послал «человека», который сообщил, что Култыгин болен. К нему отправили солдата, однако, по его донесению: «Култыгин в тою таможенную не пошел»¹³. Вряд ли можно упрекнуть солдат того времени в нерешительности или шепетильности: когда требовал приказ они без промедления арестовывали престарелых вдов задолжавших купцов, но Иван Култыгин действительно был настолько болен (или производил впечатление тяжело больного), что солдат не решился привести его в Камер-коллегию.

В итоге купечество первой гильдии было собрано в Ратушу в начале декабря, чтобы найти выход из положения. На этом собрании вместо Култыгина был выбран купец первой гильдии, житель Красносельской слободы Петр Федотов¹⁴. После этого Федотов был приведен к присяге в церкви Введения святой Богородицы, «что у Гостинного двора»¹⁵.

Освободить содержавшегося под стражей в Коммерц-конторе ларечного Хомутной таможни Федора Баженова не удалось, приказали выбрать вместо него новых двух¹⁶. 10 января они были выбраны: второй гильдии Кадашевской слободы Максим Миронов сын Попов и Басманной слободы Иван Иванов сын Слонов, люди, как заверяло купечество, «пожиточные»¹⁷. Однако купечество утаило, что Максим Попов был тяжело, если не смертельно, болен.

Уже 14 февраля Петр Федотов сообщил в доношении, что Максим Попов «одержим головою жестокою болезнью. И видно де, что на той голове имеются гноевые струпы и раны, от которой всегда бывает в беспамятстве и ныне лежит в оной таможне. И в означенном сборе за помянутою болезнью и беспамятством вступить ему никак не возможно, отчего он [Петр Федотов] имеет опасение, чтоб в зборе пошлин какой остановки не учлось»¹⁸.

22 января Попова осмотрел лекарь Федор Карпов и староста второй гильдии Петр Григорьев. Лекарь поставил диагноз: «французская болезнь», т. е. сифилис. При этом лекарь отметил, что с его точки зрения данная болезнь «отправлению службы не вредит»¹⁹. Петр Федотов снова подал доношение в Ратушу с требованием о перемене ларечного, после чего больного 1 февраля снова осмотрел тот

же лекарь в присутствии старосты. На этот раз Федор Карпов пришел к заключению, что в прошлый осмотр болезнь «не весьма была сильна», теперь же она «весьма умножилась», поэтому «ему [ларечному Максиму Попову] в службе быть невозможно», и ему надо дать время на излечение²⁰.

На основании результатов последнего осмотра из Московской ратуши был дан указ выбрать нового ларечного вместо Максима Попова, что и было исполнено: был выбран купец второй гильдии Кожевенной полусотни Михаил Павлов²¹, а несчастного больного отнесли домой.

С Михаилом Павловым тоже не задалось — от неожиданного избрания на службу он скрылся, поэтому 26 марта 1740 г. купечеству второй гильдии пришлось снова собраться. В этот раз выбрали Садовой набережной слободы Родиона Матвеева сына Мыльников²². Но ему тоже не суждено было надолго задержаться в Хомутной таможне — он оказался страдающим «падучей»²³. 1 апреля вместо него был выбран второй гильдии Напрудной слободы Тимофей Лукин, по заверениям избравшего его старосты и старшины, «человек добрый и пожиточный»²⁴, как и все предыдущие.

История больного сифилисом ларечного Максима Попова потрясает. Что, неужели вторая гильдия не знала, что он болен и почти при смерти? Неужели она не знала, что Родион Мыльников страдает «падучей»?

Не могло не знать купечество о том, что выбирает и явно сумасшедших людей: так капрал Большой таможни Федор Дорогин рапортовал, что у Покровской заставы целовальник Степан Васильев «находится завсегда вне ума и с оной заставы, беснуясь, бегают в поле»²⁵. Случалось это с ним, по словам других служителей, два–три раза в месяц.

С целовальником Спасской заставы Сергеем Степановым приступы болезни происходили чаще: припадки падучей случались с ним три–четыре раза в месяц²⁶. Все это никоим образом не шло на пользу сборам. Опасаясь за срыв работы застав, 27 февраля Камер-коллегия требует прислать из второй гильдии других купцов на смену²⁷. Также был болен выбранный в Мытенную таможню целовальник Борис Соловецкий²⁸.

Выбирало московское купечество к службам откровенных пьяниц и разгильдяев. Так, из Мытенной таможни были отправлены назад с требованием переменить их другими целовальники Василий Лебедев, Максим Лесников — за пьянство, а Тимофей Сабачка — «за непорядочное поведение»²⁹.

Но не всем удавалось уклониться от службы по состоянию здоровья. Петр Колпаков был избран Московской ратушей в выборные в Конскую таможню, но к службе своей не приступил. Его подчиненный, ларечный Алексей Дубровской сообщил в Ратушу, что Колпакова «бил смертным боем» Пермского полка подпоручик и правая рука у Колпакова «порублена». После инцидента он содержался в Полицмейстерской канцелярии, потом был выпущен домой, где лежал в постели, не вставая. 22 января освидетельствовать больного пошли староста второй гильдии и лекарь, но Петра Колпакова дома не оказалось. Домашние Колпакова сказали, что его с утра увела полицейская команда. Староста и лекарь решили, что Колпаков не болен, а лишь «отбывает», т. е. уклоняется от службы³⁰.

Интересно сравнить этот случай с рассмотренной выше историей Ивана Култыгина. Иван Култыгин прекрасно знал логику чиновников Камер-коллегии: физически неспособный выборный не должен быть «достойным» службы, потому что он не сможет эффективно заниматься сборами. На эту же норму уповал выборный Петр Колпаков, лежавший в постели со сломанной рукой. Здесь интересы выборных явно расходились с интересами общины и старшин в первую очередь. Ивану Култыгину удалось благодаря упорству переиграть своих старшин, которые настойчиво отправляли его служить. Петру Колпакову вследствие стечения обстоятельств и небеспристрастного отношения лекаря — нет. То, что лекарь стоит на стороне общины, видно из ситуации с Максимом Поповым, которому «французская болезнь», согласно первому осмотру, «не мешает» отправлять службу.

Часто выбранные к службам, несмотря на присягу, скрывались и ударялись в бега. Сбежали пятеро целовальников, отправленные в Конскую таможню, поэтому третья гильдия была вынуждена выставить других им на замену³¹. Не сыскан был Никита Дмитриев сын Солодовников, выбранный в Московскую большую таможню целовальником³². На смену ему и двум его сумасшедшим сослуживцам (см. выше) выбрали из второй и третьей гильдий четырех человек³³. В Мытенной таможне в марте месяце числились не досланными целовальники, члены гостинои сотни Петр Симаков, Басманной слободы Илья Радионов, Екатерининской слободы Андрей Кондратьев, Кошельной слободы Михайло Михайлов, Барашской слободы Степан Осипов, слободы Малых Лужников, что у Крымского двора, Иван Покромщиков³⁴.

Описанные выше ситуации свидетельствуют об ужасе, внушаемом купечеству казенными службами. Добиться, чтобы купечество начало выборы, удалось только благодаря применению полицейских мер. Жесткое давление государственных учреждений, однако, не осталось без сопротивления купечества.

Некоторые, такие как Иван Култыгин, добивались увольнения от служб по возрасту и состоянию здоровья. Многие купцы бежали, тем самым обрекая себя на беспаспортное и бесправное существование. Ответственность за побег ложилась на их гильдию, купцы гильдии должны были либо найти беглецов, либо выбрать новых служителей. В противном случае грядущая недоимка возлагалась на избирателей.

Неожиданным и странным выглядит поведение купеческой общины. Возникает вопрос: чем руководствовались старшины, упорно выдвигая в руководители таможенных сборов слепого, глухого немощного старика, находящегося при смерти сифилитика, калек, сумасшедших, пьяниц? Вопрос не прост. Результат их службы предсказуем — невыполнение плана сборов, которое ляжет в будущем на плечи выборщиков и общины в целом. Московское купечество, однако, постоянно выбирало неспособных к службам, тем самым, увеличивая риск будущей значительной недоимки.

Объяснить все эти случаи только личными неурядицами между отдельными посадскими жителями невозможно. Что же получается: посад не боялся последующей недоимки? Уж очень сомнительно это выглядит. Понять весь комплекс причин именно такого поведения купеческой общины без дальнейшего подробного изучения самих служб и процесса взыскания недоимок невозможно, но одно важное наблюдение можно сделать.

Посад в рассмотренных ситуациях подставлял под удар наиболее слабых своих членов, защищая тем самым средних и состоятельных, на которых ложилась основная тяжесть платежей при мирской раскладке. Перед нами один из механизмов обеспечения выживаемости общины, который позволял ей приспособиться к жестким требованиям казны. «Сирым же и убогим», оказавшимся выбранными к казенной службе, ничего не оставалось, как тем или иным способом попытаться от нее уклониться. Подобное поведение посадской общины можно расценить и как пассивную форму сопротивления указам государства, навязывавшего тяжелейшие для купечества службы.

Примечания

¹ *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; *Козлова Н. В.* К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1987. № 6. С. 47–56.

² РГАДА. Ф. 308. Оп. 1. Д. 321. Л. 1, 4.

³ Там же. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 3.

⁵ *Козлова Н. В.* Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1989. № 4. С. 35–38.

⁶ *Кизеветтер А. А.* Посадская община... С. 344; ПСЗРИ. Т. 8. № 5794. п. 2.

⁷ РГАДА. Ф. 308. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–9.

⁸ Там же. Л. 95–95 об.

⁹ Там же. Л. 96.

¹⁰ Там же. Л. 111.

¹¹ Там же. Л. 111–111 об.

¹² Там же. Л. 109–114.

¹³ Там же. Л. 111.

¹⁴ Там же. Л. 113.

¹⁵ Там же. Л. 115.

¹⁶ Там же. Л. 111 об.

¹⁷ Там же. Л. 120.

¹⁸ Там же. Л. 135.

¹⁹ Там же. Л. 137 об.

²⁰ Там же. Л. 140–142.

²¹ Там же. Л. 143.

²² Там же. Л. 144.

²³ Там же. Л. 158.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 149.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 154 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 131–131 об.

³¹ Там же. Л. 123.

³² Там же. Л. 149.

³³ Там же. Л. 150–151.

³⁴ Там же. Л. 154 об.